

ШАРЛОТТА БРОНТЕ

ШАРЛОТТА БРОНТЕ

ШЕРЛИ

Москва
2022

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44
Б88

Charlotte Brontë
SHIRLEY

Перевод с английского
Ирины Грушецкой и Феликса Мендельсона

Художественное оформление серии
«Белая птица» *Луизы Бакировой*

Иллюстрация в марке серии:
© leleven / Shutterstock.com
Используется по лицензии от Shutterstock.com

Художественное оформление
серии «Pocket book (обложка)» *Андрея Саукова*

В оформлении обложки использована гравюра
«Императрица Елизавета Австрийская верхом»,
художник Джон Чарльтон (1849–1917), гравёр J. L. Allcinson

Бронте, Шарлотта.

Б88 Шерли / Шарлотта Бронте ; [перевод с английского
И. Грушецкой, Ф. Мендельсона]. — Москва : Эксмо,
2022. — 640 с.

ISBN 978-5-04-123041-8 (Белая птица)

ISBN 978-5-04-095542-8 (Pocket Book)

Шарлотта Бронте писала «Шерли» в трудные для неё дни: в это время умерли от туберкулеза ее брат Бренуэлл и две сестры — Эмили и Энн. Роман был опубликован в 1849 году под псевдонимом Каррер Белл. Бурный успех книги вынудил автора открыть свое истинное лицо и привлечь к ней внимание литературных кругов Лондона. Шарлотта обратилась в своем романе к началу века, к восстаниям луддитов — участникам стихийных протестов против внедрения машин в ходе промышленной революции в Англии.

«Шерли» — пылкое описание конфликта поколений, полов и социальных слоев, в котором любовные истории тесно переплетены с суровой реальностью. Фабрикант Роберт Мур собирается жениться на богатой наследнице Шерли, хотя его сердце принадлежит бесприданнице Кэралайн, а сама Шерли влюблена в брата Роберта, ничего учителя. Будет ли финал счастливым?

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44

© Мендельсон Ф.Л.,
перевод на русский язык, наследник, 2022
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2022

ISBN 978-5-04-123041-8 (Белая птица)
ISBN 978-5-04-095542-8 (Pocket book)

Глава I

ЛЕВИТЫ

За последние годы на севере Англии появилось великое множество младших священников; особенно посчастливилось нашей гористой местности: теперь почти у каждого приходского священника есть один помощник, а то и больше. Надо полагать, что они сделают немало добра, ибо они молоды и энергичны. Но мы собираемся вести повествование не о последних годах, мы обратимся к началу нашего столетия; последние годы подернуты серым налетом, выжжены солнцем и бесплодны; забудем же о знойном полудне, погрузимся в сладостное забытие, в легкую дремоту и в сновидениях увидим рассвет.

Читатель, если по этому вступлению ты предполагаешь, что перед тобой развернется романтическое повествование, — ты ошибаешься. Ты ждешь поэзии и лирических раздумий? Мелодрамы, пылких чувств и сильных страстей? Не рассчитывай увидеть так много, тебе придется довольствоваться кое-чем более скромным. Перед тобой предстанет простая будничная жизнь во всей ее неприкрашенной правде, нечто столь же далекое от романтики, как понедельник, когда труженик просыпается с мыслью, что нужно скорее вставать и приниматься за работу. Возможно, в середине или в конце обеда тебе подадут что-нибудь повкуснее, но первое блюдо будет настолько постным, что и католик — и даже англокатолик — не согрешил бы, отведав его в Страстную пятницу: холодная чечевица с уксусом без масла, пресный хлеб с горькими травами и ни куска жареной баранины.

Итак, за последние годы север Англии наводнили младшие священники, но в тысяча восемьсот одиннадцатом или двенадцатом году такого наплыва не было: младших священников тогда насчитывалось немного; не было еще ни приходской кассы вспомоществования, ни благотворительных обществ, способных позаботиться об одряхлевших приходских священниках и предоставить им возможность нанять молодого деятельного собрата, только что окончившего Оксфорд или Кембридж. Нынешних преемников апостолов, учеников доктора Пьюзи и членов коллегии миссионеров, в те дни еще пестовали под теплыми одеяльцами и няни подвергали их животворному обряду омовения в умывальном тазу. Увидев их тогда, вы не подумали бы, что накрахмаленная пышная оборка чепчика обрамляет чело будущего носителя духовного сана, predeterminedного свыше преемника св. Павла, св. Петра или св. Иоанна. И вы бы, уж конечно, не разглядели в складках их детских ночных рубашонок белый стихарь, в котором им предстояло впоследствии сурово наставлять своих прихожан и повергать в полное изумление старомодного священника, — этот стихарь так бурно колыхался теперь над кафедрой, тогда как прежде он лишь чуть шевелился внизу.

Однако и в те скудные времена помощники священников все же существовали, но лишь кое-где, как редкостные растения. Впрочем, один благословенный округ Йоркширского графства мог похвастать тремя такими жезлами Аарона, которые цвели пышным цветом на небольшой площади в каких-нибудь двадцать квадратных миль. Сейчас ты их увидишь, читатель. Войди в уютный домик на окраине городка Уинбери и загляни в маленькую комнатку — вот они обедают. Позволь тебе их представить: мистер Донн, помощник священника из Уинбери; мистер Мелоун, помощник священника из Брайерфилда; мистер Суитинг, помощник священника из Наннли. Владелец этого домика — некий Джон Гейл, небогатый суконщик, у которого квартирует мистер Донн, любезно пригласивший сегодня своих собратьев отобедать у него. Подсядем к ним и мы, посмотрим на них, послушаем их беседу. Сейчас они поглощены обедом; а мы тем временем немного посудачим.

Джентльмены эти в расцвете молодости; от них веет силой этого счастливого возраста, силой, которую старые унылые священники пытаются направить на стезю христианского долга, убеждая своих молодых помощников почаще навещать больных и усердно надзирать за приходскими школами. Но молодым левитам такие скучные дела не по душе: они предпочитают расточать свою кипучую энергию в особой деятельности, — казалось бы, столь же утомительно однообразной, как труд ткача, но доставляющей им немало радости, немало приятных минут. Я имею в виду их непрерывное хождение в гости друг к другу, какой-то замкнутый круг или, вернее, треугольник визитов в любое время года: и зимой, и весной, и летом, и осенью. Во всякую погоду, не страшась ни снега, ни града, ни ветра, ни дождя, ни слякоти, ни пыли, они с непостижимым рвением ходят один к другому то пообедать, то выпить чаю, то поужинать. Что влечет их друг к другу, трудно сказать; во всяком случае, не дружеские чувства — их встречи обычно кончаются ссорой; не религия — о ней они никогда не говорят; вопросы богословия еще изредка занимают их умы, но они никогда не касаются благочестия; и не чревоугодие — каждый из них и у себя дома мог бы съесть столь же добрый кусок мяса, такой же пудинг, столь же поджаристые гренки, выпить столь же крепкого чая. По мнению миссис Гейл, миссис Хог и миссис Уипп — квартирных хозяек, — «это делается только для того, чтобы доставить людям побольше хлопот». Под «людьми» эти дамы подразумевают, конечно, себя, да и нельзя не согласиться, что постоянные нашествия гостей хлопот доставляют немало.

Как уже было упомянуто, мистер Донн и его гости сидят за обедом; миссис Гейл им прислуживает, но в глазах у нее сверкает отблеск жаркого кухонного огня. Она находит, что за последнее время ее жилец злоупотребляет своим правом приглашать к столу друзей без дополнительной оплаты, о чем была договоренность при найме квартиры. Сегодня еще только четверг, однако уже в понедельник к завтраку явился мистер Мелоун, помощник священника из Брайерфилда, и остался к обеду; во вторник тот же мистер Мелоун вместе с мистером Суитингом из Наннли зашли выпить

по чашке чаю, потом остались ужинать и переночевали на запасных кроватях, а в среду утром соизволили и позавтракать; и вот нынче, в четверг, оба они снова тут как тут! Обедает да наверняка еще и проторчат целый вечер. «*C'en est trop*»¹, — сказала бы она, если бы говорила по-французски.

Мистер Суитинг мелко режет ростбиф и жалуется, что он жесткий как подошва; мистер Донн сетует на слабое пиво. Вот это хуже всего! Будь они учтивы, хозяйке было бы не так обидно; если бы ее угощение пришлось им по вкусу, она бы им многое простила, но «молодые священники слишком уж заносятся и на всех смотрят сверху вниз; они дают ей понять, что она им не ровня», и позволяют себе дерзить ей только потому, что она не держит служанки и ведет хозяйство сама, по примеру своей покойной матери; вдобавок они постоянно бранят йоркширские обычаи и йоркширцев, а это, по мнению миссис Гейл, говорит о том, что они не настоящие джентльмены, во всяком случае, не благородного происхождения. «Разве сравнишь этих юнцов со старыми священниками! Те умеют себя держать и одинаково обходительны с людьми всякого звания».

— Хле-ба! — крикнул мистер Мелоун, и его выговор, хотя он и произнес всего лишь двусложное слово, тут же выдал уроженца края трилистника и картофеля. Этот священник особенно неприятен хозяйке, однако он внушает ей трепет — так он велик ростом и широк в кости! По всему его обличью сразу видно, что это истый ирландец, хотя и не «милезианского» типа, подобно Даниелю О'Коннелу; его скуластое, словно у североамериканского индейца, лицо характерно лишь для известного слоя мелкопоместных ирландских дворян, у которых на лицах застыло высокомерно-презрительное выражение, более подобающее рабовладельцам, чем помещикам, имеющим дело со свободными крестьянами. Отец Мелоуна считал себя джентльменом; почти нищий, кругом в долгах, а надменности хоть отбавляй; таков же и его отпрыск.

Миссис Гейл поставила хлеб на стол.

— Нарезь его, женщина, — приказал гость.

¹ Это уж слишком (*франц.*).

И «женщина» повиновалась. Дай она себе в эту минуту волю, она, кажется, заодно отрезала бы и голову священнику; такой повелительный тон возмутил до глубины души гордую уроженку Йоркшира.

Священники, обладая изрядным аппетитом, съели изрядное количество «жесткого как подошва» жаркого и проглотили немало «слабого» пива; йоркширский пудинг и две миски овощей были уничтожены мгновенно, как листва, на которую налетела саранча; сыру также было воздано должное, а сладкий пирог вмиг исчез бесследно, как видение! И только на кухне ему была пропета отходная Авраамом, сыном и наследником миссис Гейл, малышом шести лет; он рассчитывал, что и ему кое-что перепадет, и при виде пустого блюда в руках матери отчаянно заревел.

Тем временем священники потягивали вино, правда, без особого удовольствия, ибо оно не отличалось высоким качеством. Что и говорить, Мелоун попросту предпочел бы виски, но Донн, как истый англичанин, не держал у себя такого напитка. Потягивая портвейн, они спорили; спорили не о политике, не о философии, не о литературе — эти темы никогда их не интересовали — и даже не о богословии, практическом или догматическом; нет, они обсуждали незначительные частности церковного устава, мелочи, которые всем, кроме их самих, показались бы пустыми, как мыльные пузыри. Мистер Мелоун ухитрился осушить два стакана, в то время как его друзья выпили по одному, и настроение его заметно поднималось: он развеселился на свой лад — стал держать себя вызывающе, заносчивым тоном говорил дерзости и покатывался со смеху от собственного остроумия.

Каждый из сотрапезников по очереди становился мишенью для его острот. У Мелоуна всегда был наготове запас плоских шуточек, которыми он угощал своих приятелей при дружеских встречах, не пытаясь быть разнообразным; это и не требовалось, ибо сам он не находил себя скучным, а о том, что думают другие, нимало не заботился. Он высказался насчет чрезмерной худобы и вздернутого носа мистера Донна, поехидничал, критикуя некий весьма потертый шоколадно-коричневый сюртук, к которому сей джентль-

мен питал особое пристрастие во всех случаях жизни и при любой погоде, посмеялся над выговором приятеля и вульгарными словечками, которыми тот пересыпал свою речь, что, безусловно, придавало ей своеобразное «изящество» и колоритность.

Суитинга он попрекнул тщедушным видом — тот рядом с верзилой Мелоуном и в самом деле казался чуть ли не ребенком, — посмеялся над его музыкальными талантами, ибо Суитинг играл на флейте и пел гимны ангельским голосом (по мнению некоторых его юных прихожанок), назвал его «дамским угодником» и в довершение всего принялся ехидничать насчет нежной привязанности юноши к матушке и сестрицам, о которых тот имел неосторожность говорить в присутствии ирландца, чье черствое сердце начисто лишено было родственных чувств.

Жертвы воспринимали его нападки каждый по-своему: Донн противопоставлял им броню самодовольной тупости и невозмутимой важности, заменявшей ему чувство собственного достоинства; Суитинг — равнодушие покладистого, веселого юнца, который о поддержании достоинства вовсе не заботился.

Но когда насмешки стали чересчур колкими, жертвы объединились и попытались отплатить обидчику той же монетой. Они полюбопытствовали, сколько мальчишек кричали ему сегодня вслед: «Питер-ирландец!» (Мелоуна звали Питер — преподобный Питер Огест Мелоун); поинтересовались, не из Ирландии ли идет странный обычай — навещать своих прихожан с заряженными пистолетами в карманах и с дубинкой в руках, предложили разъяснить им значение слов: покр-ров, твер-рдость, р-руль, гр-роза (так, раскатывая «р», произносил их мистер Мелоун), — словом, пускали в ход все свое природное остроумие, чтобы побольнее его уколоть.

Разумеется, ни к чему хорошему это не привело. Мелоун, не отличавшийся ни благодушием, ни спокойным нравом, вышел из себя. Он кричал, размахивая руками, а Донн и Суитинг хохотали. Он вопил, что они саксы и снобы, и его пронзительный кельтский голос звенел на самых высоких нотах; они в ответ напоминали ему, что он уроженец завоеванной страны. От имени своей «р-родины» он грозил им

восстанием, изливал накипевшую в нем ненависть к господству Англии; они тыкали ему в глаза лохмотья, нищету, болезни его родной Ирландии. В маленькой гостинной поднялся невообразимый шум. Казалось, такая ядовитая перебранка неминуемо должна закончиться дракой. Было удивительно, что хозяева не пугаются, не посылают за констеблем для водворения порядка; но они уже привыкли к подобному рода бурным спорам, знали, что у священников ни обед, ни чай не обходились без состязаний в красноречии и что это ничем не грозит; знали также, что от их ссор больше шума, чем вреда, и что в каких бы отношениях ни расстались друзья сегодня вечером, завтра утром они встретятся как ни в чем не бывало.

Итак, почтенные супруги сидели у кухонного очага, прислушиваясь к громким ударам кулака Мелуона по обеденному столу красного дерева, к звону подскакивающих стаканов и графина, к насмешливому хохоту двух союзников-англичан и несвязным выкрикам их одинокого противника-ирландца, как вдруг на крыльце послышались чьи-то шаги и настойчиво застучал дверной молоток.

Мистер Гейл пошел открывать.

— Кто это у вас шумит наверху? — властно спросил чей-то гнусавый голос.

— Никак это мистер Хелстоун? В темноте я вас не сразу и разглядел... теперь так рано темнеет. Милости просим, сэр, входите.

— Сначала мне нужно знать, стоит ли входить. Кто у вас там?

— Молодые священники, сэр.

— Как, все трое?

— Да, сэр.

— Обедали здесь?

— Да, сэр.

— Отлично.

С этими словами в дом вошел пожилой мужчина, весь в черном. Он пересек кухню, отворил внутреннюю дверь и, подняв голову, прислушался. Да и было что послушать — спорщики, как нарочно, шумели пуще прежнего.

Посетитель буркнул что-то себе под нос; затем, обратясь к мистеру Гейлу, спросил:

— И часто они у вас этак развлекаются?

Мистер Гейл, бывший церковный староста, всегда проявлял снисходительность к особам духовного звания.

— Молоды еще, сэр, сами знаете, — сказал он примирительно.

— Молоды! Проучить их надо! Негодники, бездельники! Ведь если бы вы были диссидентом, а не добрым сыном англиканской церкви, они бы все равно вели себя так же, они бы себя позорили... но уж я...

Не закончив фразы, он вышел из кухни, затворил за собой дверь и поднялся по лестнице. На верхней площадке он снова остановился и послушал. Затем без стука распахнул дверь комнаты и остановился на пороге.

Все трое смолкли, оторопело уставясь на него; неожиданный гость тоже замер на месте. Это был человек невысокого роста, но с очень прямым станом и широкими плечами, а его маленькая головка с острыми глазами и крючковатым носом делала его похожим на ястреба; не сочтя нужным снять или хоть приподнять свою широкополую шляпу, он скрестил руки на груди и, не двигаясь с места, спокойно, свысока разглядывал своих молодых приятелей, если только это были его приятели.

— Что я слышу! — начал он, произнося слова, уже не гнусавым, а глубоким раскатистым голосом. — Что я слышу? Уж не повторилось ли чудо Духова дня? Уж не снизошли ли с небес разделяющиеся языки? Но где они? Только что этот шум наполнял весь дом. Я различил семнадцать наречий сразу: парфяне, и мидяне, и еламиты, жители Месопотамии, Иудеи и Каппадокии, Понта и Азии, Фригии и Памфилии, Египта и частей Ливии, прилежащих к Киринее, и пришедшие из Рима, иудеи и прозелиты, критяне и аравитяне — все они, по-видимому, были здесь, в этой комнате, две минуты тому назад.

— Извините, мистер Хелстоун! — начал Донн. — Не присядете ли вы, сэр, не налить ли вам вина?

На это учтивое предложение ответа не последовало; ястреб в черном одеянии продолжал:

— Что я толкую о даре языков! Дар, как бы не так! Я перепутал главы, и книги, и заветы! Новый Завет с Ветхим, Деяния апостолов с книгой Бытия, Иерусалим с долиной Сенаар. Нет, тот шум, что буквально оглушил меня, это не дар языков, а вавилонское столпотворение. Это вы-то апостолы? Вы трое? Разумеется нет. Три самонадеянных вавилонских каменщика — вот вы кто!

— Уверяю вас, сэр, мы просто болтали за стаканом вина после дружеской трапезы. Ну и взялись разносить диссидентов...

— Диссидентов, вот оно что! И Мелоун тоже разносил диссидентов? А мне-то показалось, что он разносит своих собратьев. Вы просто ругали друг друга. И вы трое шумели ничуть не меньше, чем наш портной Моисей Барраклу вкупе со своими слушателями, когда они войдут в раж в методистской молельне. А ведь, наверно, все из-за тебя, Мелоун.

— Из-за меня? Что вы, сэр!

— Конечно, из-за тебя. До твоего приезда и Донн, и Суитинг вели себя смирно и опять присмирели, если ты уедешь. Тебе бы следовало, отправляясь к нам, оставить свои ирландские привычки по ту сторону пролива; быть может, там, среди болот и в диких горах Коннота, повадки дублинского студента сходят священнику с рук, но здесь, в благопристойном английском приходе, они неуместны. Вы все позорите и самих себя и, что еще хуже, церковь, скромными слугителями которой вы являетесь.

В обращении маленького пожилого джентльмена с молодыми священниками, в том, как он их отчитывал, сквозила известная властность, — может быть, и неуместная при данных обстоятельствах. Мистер Хелстоун, прямой как шест, с острым взглядом ястреба, несмотря на свою одежду — черный сюртук, широкополую шляпу и гетры, — больше походил на старого служаку-офицера, распекающего подчиненных, чем на почтенного священника, увещевающего своих духовных сынов. Евангельская доброта, апостольская кротость не наложили своего отпечатка на это смуглое энергичное лицо; его изваяла твердость, раздумье проложило на нем свои борозды.

— Мне только что повстречался Сапплхью, — продолжал он. — Невзирая на ненастье и поздний час, он брел по болотам читать проповедь сектантской общине Милдина. Как я уже упоминал, я слышал Барраклу, проповедовавшего в сектантской молельне, и голос его напоминал рев разъяренного быка; а вас, джентльмены, я застаю в полном бездействии, вы прохладаетесь за полпинтой дрянного портвейна и пререкаетесь подобно сварливым кумушкам. И неудивительно, что Сапплхью за один день смог окрестить шестнадцать новообращенных взрослых, как это случилось две недели тому назад, или что негодай и лицемер Барраклу сумел привлечь в свою молельню всех этих девушек-ткачих, явившихся в уборе из лент и цветов, чтобы убедиться, насколько его пальцы тверже края деревянной купели. Стоит лишь предоставить вас самим себе — и вы частенько служите в пустой церкви и произносите свои сухие проповеди лишь для причетника, органиста и церковного сторожа. Но довольно об этом. Сейчас мне нужен Мелоун. У меня к тебе дело, вояка!

— Какое? — недовольно спросил Мелоун. — Для похорон как будто поздновато...

— Ты сейчас вооружен?

— Конечно! Я всегда вооружен... — И он вытянул свои могучие руки и ноги.

— Не шути! Я говорю о настоящем оружии!

— Я всегда ношу при себе пистолеты, которые вы мне дали; даже ночью они лежат наготове у моей постели. Есть у меня и палка.

— Отлично. Можешь ты сейчас отправиться на фабрику Мура?

— А что там стряслось?

— Пока ничего, да, может, ничего и не будет, но Мур там совсем один. Всех надежных рабочих он послал в Стилбро, а с ним остались только две женщины. Узнай его «друзки», что путь свободен, они не преминули бы его навестить.

— Но и я не принадлежу к числу его друзей, сэр; что он мне?

— Ого, Мелоун, ты трусишь?

— Вы, конечно, шутите. Если бы я мог предположить, что там и вправду завяжется потасовка, я бы пошел. Но ради удовольствия провести вечер в обществе Мура — нелюдимого, странного и чуждого мне человека — я не сделаю и шагу.

— Потасовка может вспыхнуть. Конечно, настоящего бунта не будет, но вряд ли эта ночь пройдет спокойно. Ты ведь знаешь, что Мур решил во что бы то ни стало установить новые машины и сегодня вечером ждет из Стилбро два фургона с ткацкими и стригальными станками. Старший мастер Скотт и несколько надежных людей уже отправились за ними.

— Они доставят их в целости и сохранности, сэр.

— Мур тоже в этом уверен и считает, что никто ему не нужен. И все-таки на всякий случай не мешает кому-нибудь быть поблизости, хотя бы в качестве свидетеля. Мур слишком неосторожен: не закрывает ставен в конторе, поздно вечером бродит совсем один по склону лощины или среди кустов возле поместья Филдхед, словно он неуязвим, словно он у нас всеобщий любимец или заколдован от ненависти, которую сам снискал. Печальная судьба Пирсона и Армitedжа — в одного стреляли в его собственном доме, а в другого на пустоши — не служит ему предостережением!

— А не мешало бы ему вести себя поосмотрительнее; да он, наверно, и поостерегся бы, доведись ему услышать то, что я услышал на днях, — вмешался Суитинг.

— Что ты слышал, Дэви?

— Вы знаете Майка Хартли, сэр?

— Ткача-антиномиста? Ну конечно.

— Так вот, после продолжительного запоя Майк обычно ходит в Наннли, к мистеру Холлу, высказывает ему свое мнение о его проповедях, порицает за приверженность к доктрине добрых дел и заявляет ему, что как сам мистер Холл, так и все его прихожане пребывают во мраке крошечном.

— Все это так, но при чем здесь Мур?

— Этот Майк не только антиномист, сэр, но к тому же убежденный якобинец и левеллер.